

УДК 008:311:812'82

Алена ШВЕЦ,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры культурологии
и искусствоведения

Одесского национального политехнического университета

ЛОКАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНАЯ ФОРМА КУЛЬТУРЫ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ УКРАИНЫ, РЕПРЕЗЕНТИРОВАННОЙ ВЕРБАЛЬНО)

В статье рассматривается проблема изучения генезиса культурного региона и локально-региональной культуры. Анализируются результаты вербальной реконструкции и моделирования локально-региональной культуры русских переселенцев разноконфессиональных групп Одесского региона Украины. Через обнаружение мотивационных моделей в рамках семантических полей, средств и способов номинации, характера внутренней формы лексических единиц определялись результаты адаптации, степени интеграции как формы аккультурации. Обнаруживались мировоззренческие основания представлений, социально-типичных позиций, отношений, оценок русских переселенцев как особой ментальной конструкции.

Ключевые слова: культурный регион, локально-региональная культура, моделирование локально-региональной культуры, процессы культурной адаптации и интеграции, переселенческие анклав, вербальная репрезентация семантического пространства.

У статті розглядається проблема вивчення генезису культурного регіону і локально-регіональної культури. Аналізуються результати вербальної реконструкції і моделювання локально-регіональної культури російських переселенців різноконфесійних груп Одеського регіону України. Через виявлення мотиваційних моделей у межах семантичних полів, засобів і способів номінації, характеру внутрішньої форми лексичних одиниць визначалися результати адаптації, ступінь інтеграції як форми аккультурації. Виявлялися світоглядні підстави уявлень, соціально-типових позицій, стосунків, оцінок російських переселенців як особливої ментальної конструкції.

Ключові слова: культурний регіон, локально-регіональна культура, моделювання локально-регіональної культури, процеси культурної адаптації і інтеграції, переселенські анклав, вербальна репрезентація семантичного простору.

The problem of study of genesis of cultural region and locally-regional culture is examined in the article. The results of design of locally-regional culture of the Russian migrants of different confessions groups of the Odesa region of Ukraine are analysed in the article. Through finding out motivational models within the framework of the semantic fields, facilities and methods of nomination, character of internal form of lexical units the results of adaptation, degree of integration, and also world view grounds of presentations, socially-typical positions, relations, estimations of the Russian migrants, were determined.

Key words: cultural region, locally-regional culture, design of locally-regional culture, processes of cultural adaptation and integration, migrant enclaves, verbal representation of semantic space.

Одним из актуальных вопросов современной культурологии выступает изучение особен-

ностей генезиса, динамики региональных культур как самостоятельных социокультурных еди-

ниц в контексте бытия национальных культур. По преимуществу полиэтничные региональные сообщества на протяжении своей истории создают разнообразные формы жизни единства этносов в многообразии. Обращение к таким живым лабораториям обуславливает эффективные подходы к социальному и культурному моделированию, органично связанные с традициями и исторической памятью. Понимание того, как рождаются особые варианты культурной жизни, в чем специфика, закономерности их существования возможно при проведении междисциплинарных разновекторных исследований, интегрирующих различные аспекты изучения и опирающихся на представление о культуре как уникальной форме бытия человека в конкретных историко-географических условиях. Об актуальности этих вопросов свидетельствуют труды зарубежных и российских культурологов-регионалистов К.О. Зауэра, Ю.М. Беспаловой, И.А. Гиндер, Т.А. Зайцевой, И.Я. Мурзиной, А.В. Спиридоновой [1]. Следует отметить, что отечественная наука не занималась специально разработкой теории культурного региона и локальных культур в культурологическом ключе. Отсутствует пока и такое направление как региональная культурология, в контексте которой региональная культура понимается ею как составная часть единой культуры страны, инвариант национальной культуры. В этом ключе наша работа представляет собой первые шаги в исключении образовавшейся лакуны.

Содержательное осмысление региональной культуры возможно через раскрытие особенностей мироощущения, миропонимания, через представление картины мира живущих на определенной территории членов (регионального) сообщества. Одним из способов изучения региона как социокультурной единицы может стать познание его «ментальной конструкции», т.е. представлений о конкретном историко-географическом пространстве, закреплённых сознанием людей и репрезентированных в их языке. Раскрывая специфику самосознания людей, живущих в определенной территории, мы тем самым создаем предпосылки для описания артефактов, свойственных данной региональной культуре, на новом уровне – именно как репрезентантов определенного способа мироотношения и мировосприятия. Язык в данном случае выступает как «среда культуры», комплементарная по отношению к объективной реальности.

В настоящей работе **объектом** изучения выбран поликультурный регион Одесской области Украины. В качестве **предмета** исследования

рассматривается локально-региональная культура русских переселенцев выделенного культурного ареала. Поставлена **цель**: определить особенности аккультурации русских переселенцев – одного из субъектов формирования региональной культуры Одесщины – через призму вербальных репрезентаций.

Лингвальная феноменальность исследуемого региона издавна определялась исследователями: во-первых, говоры каждого из функционирующих здесь языков образуют либо пограничную зону распространения (далее распространяется другой язык), либо диалектный анклав в инодиалектном окружении (например, болгарский, русский); во-вторых, сложилось множество условий для многосторонних афронтальных контактов; в-третьих, важная особенность региона заключается в сменах наддиалектных форм коммуникации. В разное время литературными языками, которые имели неодинаковую зону распространения (на всей исследуемой территории или в ее частях) выступали русский, румынский, украинский, болгарский [2: 1–2]. В результате в регионе возник полиэтничный стереотип, который предполагает как минимум пассивное владение несколькими языками. Специфика разных видов языкового взаимодействия определяется степенью языкового родства контактирующих систем близкородственных – дальнего родства – неродственных.

Говоря о культурном генезисе Одесского региона, следует обозначить его природные особенности и исторические корни формирования – интегрирующие начала его «собираания», – послужившие предпосылками локальных культуроформирующих процессов. С географической точки зрения этот южноукраинский край представляет собой сплошную равнину без гор и лесов, но с плодородной почвой, благоприятной для выращивания зерновых культур, для занятий овощеводством. Повсюду местные жители издавна разводили виноградники, охотно занимались пчеловодством, имели стада рогатого скота и овец. В течение жарких месяцев ощущался острый недостаток воды. Чтобы преодолеть недостаток воды, повсюду были вырыты очень глубокие колодцы. Две крупных водных артерии Дунай и Днестр служат источником пищи и воды. Первый номер днестровских и дунайских промыслов – ловля рыбы. Местный строительный материал аборигенов и переселенцев за отсутствием леса – глина, солома или камыш, песок.

История формирования Одесского региона связана с историей освоения, благоустройства и

превращения его огромных и богатых земель в органичную часть Российской империи после освобождения их в результате удачных русско-турецких кампаний. Заселение данных территорий проходило в форме трех основных направлений колонизации: государственной, помещичьей, вольной крестьянской. В миграционной политике России на первый план выступали интересы внешне- и внутривосточного характера, а также народнохозяйственного: поставить заслон на границе, населив этот регион антитурецким элементом (единоверными христианскими народами); оградить данную территорию от запорожцев, чей политический и социальный статус мешал проведению централизованной политики; максимально быстро освоить Северное Причерноморье. В результате предпринятых правительственных мер жители южных границ государства оказались в самых благоприятных экономических и социальных условиях жизни в империи, получив все выгоды и всякие нужные пособия для заведения хозяйства. Представители разных народов селились более или менее крупными массами, образуя то сплошные, то смешанные поселения. В других случаях селились небольшими компактными группами или рассеивались по дватри поселения между селениями инородцев.

Определялась территория свободомыслия и свободомыслия, где использовался вольнонаемный труд и слабо ощущалось влияние сословных традиций. Формировался многонациональный (украинцы, русские, молдаване, болгары, белорусы, гагаузы, сербы, немцы, греки, поляки, венгры, французы, швейцарцы, евреи, цыгане) культурный ареал с украинской доминантой в контексте русской национальной культуры. В силу удаленности территории от центральной церковной власти возникал многоконфессиональный регион (православные («никонианцы») и староверы, католики, протестанты-меннониты и лютеране, иудеи; еретики и всякого рода сектанты, спасавшиеся от преследований: молокане, субботники, скопцы, позже баптисты) с официальной государственной и доминирующей в нем религией – православием.

В числе множества народов, осваивавших южные границы Российской империи, «главнейшим элементом заселения и благоустройства Новороссии были русские люди» [4: 29]: старообрядцы, гонимые за приверженность к расколу, а также крестьяне, бежавшие из разных губерний России от помещиков или от рекрутчины; высокий процент русских крестьян был среди переводимых помещиками крепостных. Русскими пере-

селенцами в Одесской области было основано сорок поселений, большая часть которых представляет «островной» тип.

В результате заселения Одесщины русскими староверами в регионе сложились две историко-культурные зоны их компактного проживания: Придунайская (Основали липоване и некарасовцы, а также неказацкое старообрядческое население из Подолья, Полесья, Поднестровья, а также из Воронежской, Калужской, Тульской, Курской и Рязанской губерний.) и Приднестровская (Формировалась из крестьян, переселяемых сюда из верхнего Поднепровья).

Русские эмигрантские поселения иных категорий появлялись в результате стихийной колонизации крестьян из Курской, Орловской и Тамбовской губерний, появления беглых солдат из центральных губерний России, а также перевода помещиками крепостных из Орловской и Курской, Тамбовской, Рязанской, Тульской и Калужской губерний.

Таким образом, русские переселенцы оторвались от материнской территории и попали в новые природно-климатические, географические, социально-бытовые условия, где им должно было адаптироваться.

Кроме того, переселенцам следовало пережить не одну политико-административную трансформацию, эффективно приспособившись к смене центров влияния и сменам понимания контуров контроля.

Каковы особенности освоения нового культурного пространства мы проследим, обращаясь к анализу глагольной лексики, а также ее функциональных альтернатив, номинирующих ключевые понятия традиционной материальной и духовной культуры русских переселенцев Одесской области.

Исследование проводилось с учетом структурной организации, семантики глагольной лексики в условиях бытования ее в разных частных диалектных системах (ЧДС) – в говорах, диалектоносителях которых исповедуют официальное православие и в говорах, носителями которых являются староверы. В качестве опорных были выбраны четыре ЧДС сел, расположенных в разных частях региона.

В качестве концептуального параметра использовалась лексико-семантическая парадигма (ЛСП) – целостное, незакрытое и способное к развитию множество слов или их лексико-семантических вариантов, объединенных вокруг доминанты общностью лексического значения, упорядоченных отношением семантической про-

изводности, и служащих целям дифференцированной номинации. ЛСП глагольной лексики как микрополе явилось базой для сравнения на единой основе фрагментов лексико-семантических систем исследуемых идиомов, для установления отношений между ними, а также для их дальнейшего моделирования. В ходе изучения анализу подвергались ЛСП различной структуры, представляющие собой подмножества слов, относящиеся к предконечным или конечным ветвям лексического древа глагола. Такие лексико-семантические объединения наименее абстрактны, конструктивны и культурно информативны. Их компоненты, обладая определенной семантической общностью, представляют разнообразные «кусочки действительности». Такие подмножества называют «картинками жизни». Предконечные множества, отражающие одну языковую «картинку жизни», но принадлежащие разным частным диалектным системам раскрывают вариативный характер представлений в лексике того или иного отрезка смыслового континуума.

Систематизация и экспликация репертуара глагольной лексики осуществлялась через ее идеографическую классификацию с соответствующей операцией конфронтации диалектного материала микросистем опорных говоров. (Структура глагольной лексики в идеографическом плане включает блоки: «Человек – биологическое существо» и «Человек – социальное существо»). Представленная классификация позволила воспроизвести структурные и семантические особенности каждой номинативной единицы, ее географию и послужила основой для построения структурно организованных семанто-масиологических микросистем-моделей. Обращение к семантическим сеткам-моделям с дистрибуцией лексем, тщательное сопоставление наборов номинативных единиц, принадлежащих выделенным субсегментам в разных ЧДС, выявило зоны особых лексических сгущений, стабильные, вариативные и индивидуальные звенья номинации, семантические сферы заимствований и новообразований.

Изменение культурного пространства как контекста бытия потребовало от русских переселенцев изменений в их поведение. Попав из лесистых материнских территорий обитания в безлесье, русские крестьяне должны были перенимать у инородных соседей местные навыки хозяйствования с учетом особенностей ландшафта. Так, строительные работы были обусловлены спецификой местного строительного материала. Здесь

преобладали глинобитные дома из больших вальков или из необожженного кирпича – самана. В таких домах снаружи и изнутри всегда обмазывали глиной и белили. Обмазка стен и побелка являлись особенностью, характерной для украинцев, молдаван, южных славян (болгар). Для материнских территорий она не была свойственна.

Первый опыт их коммуникации с соседями закреплялся в возникающих в локально-региональной культуре артефактах (жилище, бытовая утварь, пища). С новыми бытовыми контактами, знакомством с новыми традициями в язык русских переселенцев проникли молдавские и украинские заимствования «имен» для описания повседневности. Так, повсеместно распространились *чамуро'вать*, *ча'мурить* 'обмазывать раствором из чамура' (от молд. *ча'мур* 'смесь соломы с глиной'); в центральной и северной части региона – *валько'вать*, 'обмазывать саманный дом смесью глины с соломой' (от укр. *вал'ёк* или *валька* 'комки мокрой глины с соломой для обмазки стен, печи') и производные *свалько'вать*, *завалько'вать*; на юге – *шпаро'вать* 'обмазывать слегка вторично подсохшие стенки, для заделки трещин'.

В исследуемом регионе культивировалось около 50 видов овощей, употребляемых крестьянами, строго соблюдавшими пост. Одной из наиболее важных культур была кукуруза. Профессионалами в возделывании ее были молдаване, которые вместе с навыками трудового процесса передали русским переселенцам и обозначения для наименования процессов или реалий, связанных с возделыванием этой культуры: глагол *праш'евать* 'сапать, окучивать' (от молд. прэшэ 'мотыжить') повсеместно употребляется наряду с исконными *сапать*, *тяпать*, но имеет большую функциональную нагрузку; *чик'лежить* 'очищать от сухого листа, от шелухи' (от молд. *чок'леж* 'стебель кукурузы') – употребляется в говорах старообрядцев юга Одесской области. Повсеместно распространенная инновация *тяско'вать* 'выдавливает из винограда сок для изготовления вина' (от молд. *тяск*, *тяска*, *тяски* 'пресс для обработки винограда') свидетельствует о контактах русских с соседями в сфере иных производственных процессов – изготовления вина, в чем молдаване были первыми специалистами.

Широко используемы во всем регионе глагольные наименования, связанные с производством брынзы 'овечьего кисломолочного сыра', их производные и варианты все также восходят к заимствованному молдавским корням: *чабано'вать* 'работать пастухом овец' (от чабан 'пас-

тух овец»), *тяко^овать*, *тягло^овать*, *тяго^овать*, *запускать^о тягом*, *за^отякивать* 'приготавливать брынзу, добавляя для свертывания в молоко желудок молодого ягненка' (от *тяк* или *тяг* 'высушенный желудок двухнедельного ягненка'). Со слов информантов, русские переселенцы Приднестровья до войны 1941–1945 гг. самостоятельно брынзу не делали, а заказывали специалистам – молдавским брынзарям.

Менее заметными на уровне номинаций процессуального характера оказались результаты русско-болгарских контактов. От заимствованного болг. *ма^огарь* 'осел' были образованы новые лексемы *ма^огарить*, *ма^огарничать* 'много и тяжело работать' *нама^огарить* 'поработать много с трудом', *отма^огарить* 'отработать много тяжело', *нама^огариться* 'наработаться'. Очевидно, что производство инноваций происходит от заимствованных корней по русским словообразовательным моделям.

Самые существенные следы оставили культурные контакты с соседями-украинцами, носителями генетически и типологически близкородственных говоров. Это сказалось не только на лексике предметной, но и процессуальной. Заимствованные вербальные средства этой категории покрывают широкие семантические пространства в отличие от преимущественно производных номинаций для обозначения трудовых процессов, проникших из других языков: *парубко^овать* 'вести холостяцкую жизнь', *мирко^овать* 'размышлять, рассуждать, судить', *обуриваться* 'возмущаться', *шкодить* 'вредить исподтишка, озорничать', *одружить*, *подружить* 'выдать замуж, женить' и др. Сетки-модели показывают, что большая часть украинских заимствований – это ярко маркированная экспрессивная глагольная лексика. Заимствования могут прямые: *забан^одюриться* 'захотеться', *перема^окотриться* 'перепутаться всему в голове'. Интерес представляют переосмысленные: *старце^овать* 'собирать подарки после свадьбы' (ср. укр. *старцю^овати* 'побираться, нищенствовать, ходить по миру'), *подзёбать*, *подзюбать* наряду с первичным значением 'поклевать' развивает метафорические 'поесть', 'плохо прополоть огород'.

«Присвоение» культурного пространства русскими переселенцами принимает и другие языковые формы. В обиходе русских активно используется ряд глаголов, производных от заимствованных предметных наименований некогда актуальных реалий, теперь ушедших из жизни. Однако эти вербальные знаки, утратив первичное значение, не ушли из употребления, по-

скольку за время функционирования успели развить семантические варианты в разных частных диалектных системах. О глубоком повсеместном освоении таких средств свидетельствует и обращение их аффиксами, появление словообразовательных вариантов. Например, до модернизации местного процесса молотбы повсеместно использовалось его обозначение – теперь уже устаревший глагол – *гарmano^овать* 'молотить лошаадьми, запряженными в каменные катки' (от молд. *гар^оман* 'ток для молотбы лошаадьми, запряженными в каменные катки, или в телеги, нагруженные камнями'). В современных говорах в этом значении используется этот глагол только в рассказах о старине, но активно употребляются новообразования этого полисеманта: *гарmano^овать*, *гар^оманить*, *га^орбанить* 'убирать урожай зерновых', 'обрабатывать огород', экспрессивный метафорический вариант 'хорошо побить кого-либо' и *отгар^оманиться* 'закончить работу на своем огороде'.

Анализ показывает, что содержание зафиксированных глагольных вербальных знаков сводится преимущественно к обозначению трудовых процессов.

Глагольных номинаций-заимствований из других родственных и неродственных языков не зафиксировано. В то же время, как показали исследования предметной лексики [3], заимствований этой категорий немалое количество. Все они частотны в употреблении, указывают на субъектов культурного диалога, раскрывают характер и сферы культурного контактирования. Из говоров украинского языка пришли обозначения: национальных блюд, одежды, обуви, украинских женских украшений, строительных материалов, домашнего и сельскохозяйственного инвентаря, народных танцев, игр, музыкальных инструментов, растений и их сортов, деревьев, характерных для юга Украины. От соседей-болгар – умелых огородников и овощеводов – наименования огородных культур, блюд и напитков. От молдаван – названия типичной для них пищи, одежды, обуви, танцев, производственной терминологии, связанной с животноводством, садоводством, полеводством, терминологии сельского управления. Заимствования из немецкого связаны с обозначением неизвестных кулинарных изделий.

Анализ выделенных заимствований – процессуальной лексики, а также глагольных инноваций, производных от заимствованных корней предметного содержания, вскрывает уровень плодотворности культурного диалога русских с местным населением. Очевидным оказывается

ментально-языковая близость с украинским населением, что дало возможность воспринять не только социально-бытовые, хозяйственно-производственные реалии и их вербальные знаки, но и выразилось на аффективном уровне – через заимствование обозначений интеллектуальных, эмоциональных процессов и состояний. Кроме того, количественное соотношение лексических единиц и их коррелятов в собранном корпусе языковых средств обнаруживает, что около трех четвертей всего набора – это рефлексy, общие для русских и украинских говоров, часто восходящие к более раннему периоду родства. Это располагает к тому, что украинские говоры и украинский литературный, а сейчас государственный, язык устно и письменно оказывают поддержку в сохранении общих по происхождению явлений. Языковая консервация культурной информации, осуществляемая при непосредственной лингвальной поддержке соседствующего близкородственного этноса, способствует ее трансляция последующим поколениям и свидетельствует о двух формах аккультурации – между разными поколениями и генетически близкими этносами.

Зоны особых лексических сгущений обнаруживают центральные понятия в системе ценностей исследуемых этносоциумов: 'здоровье', 'жизнь', 'смерть', 'семья'. Это лексика, которой свойственна яркая маркированность, поликомпонентность, частотность употребления и полихрония, вскрываемая через спектр мотивологических признаков номинаций. Ее исследование позволяет выявить имплицитную культурно-значимую информацию, механизмы ее кодирования и трансляции.

Так, ситуация 'появление новой жизни' вербализована посредством единиц, изображающих ее с разных позиций – субъекта действия и объекта действия, которые являются ее сущностными конкретизаторами: *на'радить, пана-ра'дить, принис'ти, прив'исти, абра'дица, апарас'таца, панада'вать, и'меть, апус'теть, апараж'ница, Бог дал* (о роженице); *с 'поля принис'ти, пад скир'дой най'ти, ф ка'пуста най'ти, пус'тить на свет, пока'затъ св'ет* и инновации *ула'вить, ула'вить в 'озирь, ку'пить, быть за'казанным*. Перед нами знаки субститутивного характера. Производство их обусловлено различной мотивировкой. Наиболее продуктивными выявились архаические мотивы «найденный ребенок», «ребенок – дитя растений», появление которых обусловлено табуированием ситуации. Устойчивое использование этих архаических

мотивов в акте вербализации описываемой ситуации позволяет говорить о том, что перед нами не просто набор значений, а внутренне организованная семантическая сфера со своей прагматикой: глагольная лексика, обозначающая ситуацию появления жизни, мотивированная с идеей 'находки, приобретения' комплементарно дополняется глагольными знаками, обозначающими полярную ситуацию – 'прекращение жизни' и использующими мотив 'потери': *Сти'ряла я на вай'не трех сы'ночкаф* (о погибших на войне). *Сти'ряла 'дошешка ди'тонка* (о смерти младенца при выкидыше) (Ср. с *потерять близких, понести потери в войне, понести тяжелую утрату*).

Смысловую цепочку в номинациях с использованием мотива найденного ребенка дополняют единицы, указывающие на обряд расставания с умершим. Это представляющие семему 'хоронить' метафорические глаголы-эвфемизмы *п'рятать* и *ха'вать*, имеющие широкий ареал распространения в русских говорах, поддерживаемые украинским языком и его говорами. Указанные факты позволяют говорить о сложной языковой метафоре, уходящей в древние мифопоэтические представления о зеркальности прихода человека на этот свет и уходе из него.

Описанные рефлексy зафиксированы во всех исследуемых русских говорах Одесщины, свидетельствуя о сохранении и воспроизведении в новых номинациях архетипических представлений. В наивной картине мира диалектоносителей прекращение жизни – смерть – не является концом бытия, поскольку в смерти заключена жизнь, и она понимается как инверсия жизни. Поэтому вполне логично появление повторных когнитивных импульсов, закономерно повторение (или развитие) мотивов номинации.

Иной вариант сохранения и воспроизведения архетипических представлений репрезентируют обозначения ситуации прекращения жизни *'кыркнуца, кур'быкнуца, ку'быркнуца, ака'пырдица* (о пьяном), *пир'икинуца, пай'т'и вверх на'гами*. В основе семантизации представленных глагольных единиц лежит архаический мотив «оборотничества». По мифопоэтическим представлениям древних славян круговой оборот через себя, кувырок, приводит к новой форме бытия (мотив знаком нам из народных русских сказок). Идеографическая экспликация материала обнаружила наличие и других инновационных номинативных средств, мотивированных указанной идеей, но покрывающих различные понятийные пространства: эмоционального состояния – *карбы'каца* 'беспокоиться', движения –

ску^лбыкнуца^лубежать^л; поведения – ка^лвырзица, ка^лбырзица, ка^лпырдица, ка^лмырзица, кар^лбукаца ‘ломаться, капризничать, важничать’. (Ср.: «Словарь русских народных говоров» фиксирует разнодиалектные глаголы в значении ‘кувыркаться’: кобу^лряться, кобы^лряться [5: XIV: 16, 17, 22], кубы^лматься, кубы^лляться, кубы^лряться, кубы^лшаться, кувер^лнуться, кувыль^лкаться, кувы^лляться, ку^лвырдатся, кувы^лряться [5: XV: 385, 389, 390, 391, 393], объединенные семой ‘вращение’. Восходят все они, к праславянскому **vortiti* ‘вертеть’ или **ver*, **vr̥g* имеющему соответствия и в других индоевропейских языках, например, нем. *Konversion* < фр. *conversion* < лат. *conversio* с соответствующей семантикой ‘обращение, превращение’ [6: 344]). В исследуемом социокультурном пространстве русских переселенцев мотив кувырка (инверсии верха и низа) как способа достижения космического порядка оказалась настолько продуктивной, что дал толчок к семантизации глаголов с учетом сохранения архаических художественно-образных, понятийно-мировоззренческих структур.

Звенья семантического варьирования в сетках-моделях сигнализируют об отличиях в кодировании информации о ценностных ориентирах русских переселенцев. Обусловлено это отличиями в картине мира староверов и никонианцев – представителей разных конфессий. Демонстрируют сказанное функционирующие в разных говорах соотносительные инновации *мишаца* и *намишаца* со значением ‘вступать в брак’. (Характерно использование единой словообразовательной модели, но с разной оценочной актуализацией включенного актанта объекта действия). В говорах старообрядцев они вербализуют отходящую от норм (канонов) ситуацию ‘вступать в брак с *иноверцем*’, а у староверов – ситуацию ‘вступать в брак *представителем иной национальности*’. Культурные семы сигнализируют о всегда актуальной, оценочной для русских переселенцев дихотомии «свой» – «чужой», связанной со структуризацией своего культурного пространства. Заметим, смешанные браки для старообрядцев стали возможны лишь в последние десятилетия. Ранее допускалось родство только между «своими» (из соседних сел). Активнее сепарационные границы стали сниматься в Придунайской зоне региона, более открытой своим ландшафтом для разновекторных контактов старообрядцев, в населенных пунктах, близких к райцентру. Однако и здесь сохраняются ограничения: брак допускается при условии принятия иноверцем крещения по старообрядческому

чину. Что же касается никонианцев, то им в этом вопросе было гораздо легче, поскольку наиболее открытые к диалогу соседи исповедовали православие (украинцы, молдаване, болгары, греки, сербы, часто гагаузы) – конфессиональные барьеры отсутствовали.

Аналогичные рефлекты в культурном пространстве региона представляют и другие речевые формулы с варьирующейся семантикой: *сви^лвать мла^лднца*: ‘заворачивать новорожденного в пеленки’ (у староверов) – ‘свивать новорожденного свивальником вокруг по пеленкам крестообразно трижды’ (у старообрядцев); *а^лдеть на тот свет, абра^лдить (на^лкойнава)* ‘одеть покойного в подготовленную на смерть одежду (преимущественно новую)’ (у «никонианцев») – *а^лдеть / саб^лрать на тот свет, саб^лрат (на^лкойника)* ‘одеть умершего в специально подготовленную для него по старообрядческому чину одежду’.

Соотносится в пространстве и времени семантика номена *на^лкрыть мла^лдую* ‘во время свадебного обряда покрыть платком голову брачующейся’. Отличие заключается в реальном плане. Инициальный обряд покрытия девушки-невесты женским головным убором во время совершения церковного таинства (на паперти церкви перед началом венчания) сохраняется сейчас только в селах старообрядцев. В культурном пространстве носителей официального православия обряд совершается во время народного гуляния свадьбы в доме (сейчас после таинства венчания). Различия же в использовании номенов обусловлены преобладанием в старообрядческих селах церковной традиции, подчинившей себе народную. У староверов, санкционирующее начало обряда оказалось продиктовано народной традицией, которая со временем под влиянием городской культуры в отдельных микросоциумах русских Одесщины утратилась.

Определение мотивационных моделей в рамках семантических полей, средств и способов номинации, характера внутренней формы лексических единиц позволило нам сконструировать модель представлений, социально-типичных позиций, отношений, оценок русских переселенцев – представителей разноконфессиональных социокультурных локусов – как результатов адаптации.

Языковые данные обнаруживают, что Одесский регион представляет собой специфическую культурную зону, где на протяжении вот уже двухсот лет разворачиваются разновекторные, с разной степенью интенсивности активные

коммуникационные процессы. Участники диалога пребывают в отношениях взаимодействия, взаимоотталкивания различных культурных традиций. Стремясь адаптироваться к конкретным формам существования, русские переселенцы Одесщины, однако сохраняют в различных культурных формах (от одежды и жилища до языка и обрядности) черты прежней жизни. Наблюдается консервация архаических элементов. Языковые репрезентации свидетельствуют о сохраняющихся механизмах преемственности, трансляции значимой культурной информации в этнической культуре русских переселенцев, что позволяет сохраняться ее ядру, определяет устойчивость функционирования культурных систем разной конфигурации, обусловленной профессиональной ценностной составляющей.

С другой стороны, русские переселенцы – выходцы из относительно общих материнских территорий, носители одной южнорусской диалектной основы – как субъект локально-региональной культуры претерпевали процесс адаптации в форме «присваивания» нового пространства через селективное заимствование, освоение и характерное использование в своей практике новых форм жизнеустройства. Культурными донорами традиций явились украинцы, молдаване, болгары, немцы. Самое продуктивное влияние по данным языка оказали украинцы: считывание их культуры русскими переселенцами осуществлялось не только на рациональном, но и на аффективном уровне.

Адаптация и дальнейшая интеграция русских старообрядцев в региональную культуру Одесщины сопровождалась профессиональным сопротивлением. В их культурных локусах царит ярко выраженный партикуляризм (маркеры его – храм, язык, одежда, множество запретов). Для другой категории русских переселенцев их профессиональная принадлежность играла роль интегрирующего начала. Жизнеспособность культурных анклавов староверов обеспечивалась созданием культурных барьеров, обусловивших консервацию архаических черт культуры. Закодированные и воспроизводимые в языке архетипические основания русской культуры до сих пор оказывают существенное влияние на мотивационные и поведенческие стратегии русских – потомков переселенцев 19 века, идентифицирующих себя и сегодня как носителей русской национальной культуры.

Дальнейшее изучение закономерностей бытия локальных культур в поликультурном

регионе Одесщины предполагает осмысление аккультурационного процесса на ином уровне коммуникации переселенцев в новых условиях. Поэтому открываются перспективы научного познания процесса духовного освоения действительности, связанного с формированием символических систем, выстраиваемых субъектами регионального культурогенеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалова Ю.М. Региональная культура в социокультурном пространстве России / Ю.М. Беспалова // Словцовские чтения: тезисы докладов, сообщений науч.-практ. конф. / под ред. Н.В. Яблонского. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 237–239.
2. Гиндер И.А. Региональная культура: к определению понятия. // Макарьевские чтения: материалы девятой международной конференции (21–23 ноября 2010 года). / Отв. ред. В.Г. Бабин. – Горно-Алтайск: Изд-во РИО ГАГУ, 2011. – С. 364–369.
3. Зайцева Т.А. Локальные культуры: проблемы изучения. / Т.А. Зайцева // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. сентябрь. – С. 62–64.
4. Мурзина И.Я. Региональная культура как предмет философско-культурологического исследования. / И.Я. Мурзина // Известия Уральского государственного университета. 2004. №29. С. 86–97.
5. Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: Бытие и самосознание [Текст]: автореф. дисс... док. культ./ И.Я. Мурзина. – Екатеринбург, 2003. – С. 54.
6. Спиридонова А.В. Региональная культура: диалектика локального и универсального (на материале Восточного Забайкалья). – Диссертация на соиск. уч. степ. канд. культурологии. Чита, 2007. – С. 63.
7. Гриценко П.Ю. Межиріччя Дністра і Дунаю у світлі лінгвістичної географії (стан і пріоритет) / Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. – 2008. – Вип.21.
8. Баранник Л. Ф. Межъязыковые контакты на диалектном уровне (на материале лексики русских переселенческих говоров юга Украины) // Слов'янський збірник. – Одеса, 2006. – Вип. 12. – С. 188–193.
9. Баранник Л. Ф. Особенности межъязыкового и междиалектного взаимодействия в русских островных говорах Юга Украины // Мова і культура. – К., 2007. – Вип. 9, т. 5 (93). Національні мови і культури в їх специфіці та взаємодії. – С. 123–130.
10. Скальковский А.А. Некрасовцы, живущие в Бессарабии // Журнал министерства внутренних дел. – 1844. – Ч. 8. – С. 79–80.
11. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–). – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965 – 2004. – Вып. 1 – 38.
12. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Русский язык, 2001.